

Ощущение боли пропало в какой-то момент внезапно.

Еще секунду назад Люциус отчетливо помнил, как заклинание пронзило его грудь, ощущал жжение, а также тьму, более глубокую и ледяную, чем «Круциатус». Казалось, будто его целиком разорвали изнутри и заморозили, и даже дыхание превратилось в колющие ледяные осколки.

Он помнил свой последний взгляд перед падением: в поле зрения запечатлелось испуганное лицо Драко, душераздирающие крики Нарциссы, которую отчаянно пытались оттащить мракоборцы, и торопливая фигура Гарри Поттера, изо всех сил бросившегося вперед.

А затем перед глазами потемнело, и не стало ничего.

В следующий миг его разбудил аромат. Этот запах был слишком знаком — неповторимый запах Малфой-менора, старого дуба, поддерживаемого магией постоянной температуры и влажности на протяжении сотен лет, смешанный с ароматом белых роз, доносившимся из сада.

Этим запахом он дышал больше сорока лет, и с закрытыми глазами мог учуять источник каждого лепестка.

Но этот запах не должен был здесь находиться, ведь в Азкабанае можно было почувствовать лишь соленый морской ветер да гнилой, удушливый смрад, присущий тюрьме.

Люциус с трудом приподнял тяжелые веки, на переход зрения от расплывчатого к четкому ушло секунд десять. В финальной сцене прошлой жизни перед его глазами было лишь серо-белое марево, выжженное холодом заклинаний Пожирателей смерти.

А теперь потолок над головой украшали серебристо-зеленые шелковые балдахины, характерные только для семьи Малфой, свисавшие со всех четырех сторон кровати с четырьмя столбиками.

На бронзовых столбиках кровати был вырезан родовой герб семьи Малфой, и каждый его завиток был тщательно отполирован домашними эльфами до блеска.

Утреннее солнце проникало сквозь панорамные окна, и золотистые пылинки опускались на темный деревянный пол, словно просеянный мед.

Неужели?..

Перерождение?..

Люциус робко пошевелил пальцами и сильно ущипнул себя — боль ощущалась реально. Сейчас

он сидел в кресле с подлокотниками, обитыми мягкой кожей.

Это кресло он узнал: любимое старое кресло Драко, спинка которого была настолько высокой, что могла закрыть человека наполовину, и стоило в него сесть, как кресло будто обнимало тебя целиком.

Он опустил голову и раскинул ладони: десять пальцев бледные, но чистые, ногти аккуратно подстрижены.

На суставах не было старых шрамов от кандалов Азкабана, а на ладонях — следов от ожогов темной магии; руки выглядели совсем не так, как у человека, проведенного в тюрьме много лет.

Сердце тяжело ухнуло в груди, затем последовал второй удар, третий... Люциус глубоко вдохнул.

Когда воздух, напоенный сладковатой свежестью белых роз, хлынул в легкие, его глаза внезапно зашипало без всякой видимой причины.

Он жив, жив и здоров, находится в Малфой-меноре, в комнате Драко; его тело цело, а время началось сначала.

Но в следующую секунду его взгляд скользнул мимо собственных ладоней и упал на большую кровать напротив.

На постели лежал маленький тихий силуэт; пепельно-золотистые волосы раскинулись на серебристо-зеленой подушке, одеяло было натянуто до самого подбородка, оставляя открытым лишь бледное лишенное крови личико.

Всегда яркие, живые серо-голубые глаза сейчас были плотно закрыты, крылья носа шевелились едва заметно — настолько медленно, что от этого становилось страшно.

Его сын, Драко.

Сердце Люциуса резко сжалось, и эта боль оказалась сильнее, чем от угодившего в него смертельного проклятия.

Его жена Нарцисса сидела рядом с кроватью, прислонившись к ней и закрыв глаза в попытке передохнуть; распущенные золотистые волосы свешивались на простыню, а несколько прядей были прижаты щекой.

Половина ее лица была прижата к руке и слегка деформировалась, а под глазами залегли густые, несмываемые тени.

Даже во сне ее брови были сдвинуты, а пальцы слабо сжимали краешек одеяла Драко — так, словно она боялась, что стоит ей разжать их, как она что-то потеряет.

Люциус посмотрел на Нарциссу, и в горле поднялся тяжелый, щемящий ком.

Он помнил Нарциссу такой, какой видел ее в последний раз в прошлой жизни: за пределами Малфой-менора, крепко удерживаемую мракоборцами, с глазами, полными невероятного отчаяния.

Губы Люциуса зашевелились, он хотел позвать ее по имени, но горло словно забило ватой, и наружу вырвался лишь тихий-тихий выдох.

Но Нарцисса проснулась. Став матерью, она всегда была невероятно чутка к любым звукам вокруг, и даже во сне реагировала на малейшее движение близких.

Она приоткрыла глаза и инстинктивно в первую очередь посмотрела на Драко в постели. Убедившись, что сын все еще дышит, она повернула голову на звук.

— Люциус?

Голос Нарциссы звучал до нелепости хрипло, словно ее горло многократно терли наждачной бумагой. — Ты проснулся? Ты сидя... уснул. Эти два дня ты слишком устал...

Она подняла руку и потерла глаза, пытаясь выглядеть бодрее, но ее рука заметно подрагивала.

— Сисси, — голос Люциуса прозвучал еще суше, чем он предполагал. — Тебе тоже пришлось нелегко эти два дня.

Не успел дозвучать голос, как он сам протянул руки и привлек ее к себе, по-настоящему обнимая жену.

Нарцисса замерла. Всегда гордый и сдержанный, редко выражающий нежность Люциус почти никогда не позволял себе подобной слабости.

Побув в растерянности пару секунд, она опустила голову и осторожно вытащила несколько золотистых прядей, зажатых под рукой, — движения ее были предельно аккуратными, чтобы ненароком не разбудить спящего на кровати Драко.

Дождавшись, пока она закончит, Люциус медленно разжал объятия и перевел взгляд в юго-восточный угол комнаты.

Там стоял вертикальный магический календарь: каждая его страница представляла собой пластинку из позолоченной меди, которая автоматически переворачивалась по мере продвижения дат.

Сейчас на медной пластинке красивым готическим шрифтом была выбита строчка: 12 марта 1991 года, вторник.

1991 год, ранняя весна, Драко только что исполнилось одиннадцать.

Мозг Люциуса, словно запущенная заново машина, со щелчком начал вращать шестеренки на бешеной скорости.

Весна 1991 года, Драко еще не поступил в Хогвартс, они с Нарциссой не были заключены в Азкабан, Волан-де-Морт полуживым прятался в лесах Албании, а в магическом мире все еще царил иллюзорный мир.

— Он... — Люциус нарочито замедлил темп речи, чтобы скрыть бушующие на дне души бури. — Малыш еще не проснулся?

Глаза Нарциссы мгновенно покраснели. Она отвернулась, яростно моргнув пару раз, прежде чем повернуться обратно, и заговорила очень тихо:

— Не проснулся. Почти три дня, Люк, ровно почти три дня.

Нарцисса протянула руку, провела по растрепанным прядям на лбу Драко и тихо повторила случившееся:

— Он просто лазил по старому дубу во дворе, оступился и упал — всего-то с двухметровой высоты. Профессор Снегг приходил, главный целитель из Минго приходил, но череда исцелений не помогла.

Ее голос надломился на последней фразе, но слез не было — Нарцисса никогда не плакала в такие моменты. Слова эти словно протискивались сквозь зубы, и каждое несло в себе острые грани.

Взгляд Люциуса метался между календарем, изможденным лицом Нарциссы и бледным Драко на кровати.

В свои одиннадцать лет Драко еще не избавился от детской пухлости на щеках, но изгиб переносицы уже позволял угадать будущие благородные черты.

Он вспомнил, как в прошлой жизни шестнадцатилетний Драко, получив от Волан-де-Морта

невыполнимое задание, выглядел высоким и худым, в темно-сервом костюме, с волосами, зачесанными волосок к волоску. Внешне он сдержанно и хладнокровно принял требование Темного Лорда, но засунув руки в карманы брюк, так что было не разобрать — то ли они дрожат, то ли сжаты в кулаки.

Только Люциус знал, как тот терпел. Он слишком хорошо понимал своего сына: чем сильнее был его страх, тем глубже он заглатывал все осколки боли.

А теперь одиннадцатилетний Драко лежал здесь, бледный, как чистый лист пергамента, ресницы спокойно покоились на скулах, а дыхание было настолько слабым, что его почти не ощущалось.

<http://bllate.org/book/21194/2145662>